

ЗОЛОТАЯ ЭРА

ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ВИКТОР ПРОНИН

**И КРОВЬ,
И ДЕНЬГИ,
И ЛЮБОВЬ**

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Пронин, Виктор Алексеевич.

П81 И кровь, и деньги, и любовь / Виктор Пронин. —
Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-164445-1

Матерый преступник Аркадий Пыёлдин по кличке Каша совершает небывалый по дерзости побег из мест заключения. Оказавшись в Москве, он постепенно начинает новую жизнь: делает головокружительную карьеру, зарабатывает большие деньги, становится влиятельным и известным. Кажется, с темным прошлым покончено навсегда... Но воровская кровь Каши молчит до тех пор, пока он со своими подельниками не попадает на шикарную презентацию, в компанию сотен бизнесменов и политиков, сверкающих лоском и бриллиантами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164445-1

© Пронин В.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Человечество делится на террористов и заложников. Причем человек может быть одновременно и обреченным заложником по отношению к одним людям, и безжалостным террористом по отношению к другим. Чаще всего так и случается.

Автор

Аркадий Константинович Пыёлдин.

Да, по документам, собранным в многочисленных уголовных делах, его звали именно так. А в быту, на нарах, в тюремных коридорах, на лесоповалах проще — Каша. От слова «Аркаша». Почти всю свою сознательную жизнь Пыёлдин был эком. Сидел он часто и по самым различным поводам. Не стоит перечислять номера статей, по которым ему пришлось отсидживать. Главное в другом — Пыёлдин постоянно думал только о побеге. Ни о чем другом думать он просто не мог.

Да и не хотел.

В мыслях, во сне, в бреду, в разговорах у него была одна тема — побег.

Конечно, целеустремленность, отчаянная безрас- судность, опять же богатейший опыт всевозможных отсидок рано или поздно давали ему возможность для побега. И он убежал.

Естественно, его отлавливали, а как человека про- стодушного и непосредственного, отлавливали куда быстрее и успешнее прочих. И возвращали на прежнее место, а то и в более суровое, не забывая при этом за нарушение режима добавлять годик-второй к сроку. Так уж получилось, что последние десять лет его судили за одни лишь побеги. Не бегай он из мест заключения, давно бы вышел на свободу на законном основании.

Но, похоже, Пыёлдин этого и не желал.

И постепенно, с годами, весь смысл его жизни свелся к двум вещам — побегам и перепрятыванию. Побегу ему удавались, и неплохие побегу, красивые, можно сказать. А вот прятаться Пыёлдин не умел, натура подводила. Уж очень ему хотелось рассказать, какой он ловкий, шустрый, неуловимый, как здорово всех облапошил и удрал из таких мест, откуда никто никогда не удирал. Стукачи исправно отработывали свой хлеб, местопребывание Пыёлдина тут же становилось известным всем заинтересованным службам, его засекали, брали под белые руки и возвращали на еще не остывшие нары.

Сказать, что Пыёлдин очень уж убивался, страдал и каялся?..

Нет, не было этого.

Огорчался?

Да, огорчался, но не более того. Перед ним открывалась новая возможность посмеяться над охраной, восхититься собой. Побегу стали для Пыёлдина чем-то вроде наркотика, он просто стремился повторять их снова и снова. Но для этого необходимо было снова оказаться в заключении...

И он там оказывался.

Начальник тюрьмы Суковатый, получив в свое распоряжение Пыёлдина, внимательно ознакомился с его делом и, конечно же, принял меры — усилил охрану, определил Пыёлдину особый режим, чтобы тот постоянно чувствовал на себе глаз настороженный и суровый.

Авторитеты в камерах выясняли непростые свои отношения, кого-то били, кого-то «опускали», возводили в воровские ранги — Пыёлдина это нисколько не интересовало. Его самостоятельность признавали и не трогали. Он сидел в сторонке, уважительно слушал, но в разговоры не вмешивался. При этом все знали, что

если уж бежать, то только с Кашей, Каша в побеге незаменим, там, где Каша, — там успех, победа и в конце концов свобода.

Пыёлдин подолгу смотрел в зарешеченное окно, и взгляд его был задумчив и затуманен. К новичкам он относился с неизменным уважением, расспрашивал о жизни, интересовался прежними занятиями, увлечениями, друзьями. Расспрашивал подробно, даже с некоторым пристрастием. Те поначалу настораживались, но им объясняли, что Пыёлдину можно довериться, не подведет, не предаст.

Обнаружив как-то среди новеньких бывшего фокусника, Пыёлдин несколько дней ходил воодушевленный, посматривал на всех хитро, с прищуром, но потом сник — не смог придумать, как использовать для побега уникальные способности циркового мага и волшебника. Фокусы тот показывал охотно, но свободу они нисколько не приближали.

— Ну что, Каша! — окликали его угрюмые и насмешливые. — Когда назначаешь побег?

— Да вот стемнеет... И рванем. Нас уже ждут.

— Кто ждет-то?

— Верные люди, — заверял Пыёлдин. — И столы накрыты, и банька протоплена.

— А девочки в сборе?

— До отвала девочек, — заверял Пыёлдин.

Зэки весело смеялись, толкали друг друга острыми локтями, взбрыкивали ногами, потому что даже самые дикие мечты о свободе все-таки грели их непутевые души, позволяли произнести слова, от одного звучания которых хотелось улыбаться и смотреть в небо — банька, накрытые столы, девочки... Хотя какие девочки? Все прекрасно понимали, что речь идет об изморожденных жизнью мясистых тетках, согласившихся ждать их, пугливых и хмурых.

И вот однажды, знакомясь с прибывшим пополнением, Пыёлдин обнаружил среди воров и мошенников... Да, бывшего вертолетчика. Как-то он там, на воле, злоупотреблял служебным положением, использовал дорогую машину в личных целях, обогащался, перебрасывая в недоступные места коров и коз, доски и песок, а однажды даже каких-то хмырей от погони спас. И, конечно, попался, на радость Пыёлдину, оказался с ним в одной камере на соседних нарах.

— Так, — сказал Пыёлдин просветленно. — Так, — повторил он и обвел сокамерников взглядом шалым и обнадеживающим.

— Забрезжило? — спросил его старый громила Козел и подмигнул остальным обитателям помещения. Потешимся, дескать.

— Раздайся море — говно плавает! — ответил с достоинством Пыёлдин. Слова эти были не всем понятны, но столько в них было уверенности и пренебрежения к тяготам окружающей жизни, что сокамерники, переглянувшись, смолкли. Пыёлдин, прыгнув с нар, азартно прошелся по кругу непередаваемой своей походкой — полуприсев, согнув руки в локтях, двигая ими взад-вперед и играя плечами. Радостное возбуждение охватило его, и, не сдержавшись, все так же пританцовывая, подошел он к вертолетчику и расцеловал в обе небритых щеки. И хотя не было нигде вокруг вертолета, да и быть не могло, хотя сам вертолетчик Витя сидел на нарах, тоскливо глядя в зарешеченное окно, что-то изменилось в мире, потянуло свежим ветерком свободы, и Пыёлдин первым почувствовал этот еле уловимый, нежный сквознячок. Исходил он от мордатого Вити, который смотрел на Пыёлдина подозрительно и настороженно.

А мысль Пыёлдина продолжала работать в заданном направлении — есть вертолетчик. Значит, вывод

может быть единственным — нужен вертолет. «Нужен вертолет!» — твердил себе Пыёлдин, но ни слова никому не говорил. Знал, твердо знал — есть в камере стукачи, и стоит ему обронить одно неосторожное словечко, как оно сразу станет известно Суковатому, начальнику тюрьмы. И любой его план, самый тонкий и замысловатый, рухнет в тот же момент.

Такой план у Пыёлдина возник — именно тонкий и замысловатый.

Но требовалась встреча с начальником тюрьмы. Предлог годился любой. И Пыёлдин начал добиваться такой встречи, хотя надежды на успех было немного. Но дошел, дошел до Суковатого слух, что беглец-профессионал Пыёлдин хочет с ним повидаться. И наконец наступил день, наступил час, когда Суковатый согласно кивнул большой кудлатой головой.

— Ладно, — сказал он. — Ведите. Посмотрю, что за хмырь.

Большого впечатления Пыёлдин никогда не производил, а тут и вовсе показался Суковатому каким-то мелковатым, жуликоватым, даже трусоватым, что, в общем-то, действительности не соответствовало. Но Суковатый этого не знал и с легким пренебрежением, с чуть заметным недовольством наблюдал, как Пыёлдин, потоптавшись у двери, сам подошел к окну и выглянул во двор, что само по себе уже было наглостью. Но Пыёлдин тут же спохватился и снова замер у двери, скрестив руки в нижней части живота.

— Ну? — сказал Суковатый. — И что?

— Мыслями хотел поделиться, гражданин начальник, — смиренно произнес Пыёлдин.

— Чем? — отшатнулся начальник от стола.

— Лежишь вот так ночью на нарах, а мысли идут, идут... И не знаешь, что с ними делать. — Пыёлдин

подкатил глаза к потолку и на некоторое время замер в позе униженной и печальной.

— Насколько мне известно, мысли у тебя могут быть только об одном, — усмехнулся Суковатый и весело подмигнул конвоиру, который доставил Пыёлдина из камеры.

— Думаете, о бабах? — Пыёлдин расчетливо опередил начальника и сразу сбил того с подозрения о побеге. — Ошибаетесь, гражданин начальник. Очень крепко ошибаетесь.

— Неужели?

— Какие бабы, — вздохнул Пыёлдин.

— О чем же твои мысли?

— О пользе дела.

— Надо же, — крутнул головой Суковатый. — Где же, в какой области человеческой деятельности ты решил принести пользу?

— В воспитательной области.

— Так, — крикнул Суковатый. — Продолжай.

— В тюремной, — добавил Пыёлдин.

— Одобряю. Говори.

— Предложение мое заключается в том, чтобы исключить самую малую возможность побега заключенных, подследственных, подозреваемых... И прочих, которых вы призваны охранять по долгу службы.

Пыёлдин произнес все это с такой скорбью в голосе, посмотрел на Суковатого так честно и проникновенно, что тот устыдился дурных мыслей об этом несчастном человеке.

— Ты считаешь, что охранные меры недостаточны?

— Видите ли, гражданин начальник... Охранные меры, это как деньги — их никогда не может быть слишком много. Они никогда не могут быть излишними. Если есть возможность повисить, укрепить, преду-

смотреть, значит, надо повесить, укрепить и предумать.

Суковатый опустил голову, поправил телефон на столе, сдвинул в сторону календарь. Взгляд его был озадаченным и смущенным.

— Не понимаю я тебя, Пыёлдин, — сказал он. — Не понимаю. Всю жизнь ты бегал, как поганый заяц...

— Когда-то надо и остановиться. — Пыёлдин потупил глаза.

— Так... Это мне нравится. Наконец-то ты решил взяться за ум... Я уж, честно говоря, и не надеялся. Приветствую. Одобряю. Что предлагаешь?

— Я присяду? — спросил Пыёлдин.

— Садись. Хотя, как мне кажется, ты уже давно сидишь? А? — Суковатый расхохотался.

Пыёлдин к шутке начальства не присоединился, на стул у двери сел молча, с самого краешка, но с достоинством.

— Значит, так, — он в волнении потер ладонями по коленкам. — Смотрю я как-то в окно камеры... И что же вижу?

— Действительно, что же ты видишь?

— Я вижу, как по полю электрики тянут высоковольтную линию... Мачты ставят, катушки с кабелем подвозят...

— Предлагаешь по нашей колючей проволоке высокое напряжение пустить? — посуровел Суковатый. От гнева он даже со своего стула приподнялся и тяжело навис над тщедушным Пыёлдиным.

— Упаси боже! — замахал руками Пыёлдин. — Как вам такое только в голову могло прийти, гражданин начальник?! — От охватившего его ужаса Пыёлдин руками прикрыл лицо. — Это же негуманно, это не по-нашему... О другом речь, совсем о другом... Вы видели, какие мачты устанавливают? Красота! Насто-

ящая сталь, прекрасный уголок, серебристая краска... Солнце из-за тучки выглянет — глазам больно смотреть на эту мачту... Сверкает будто в инее... Хотя некоторые мачты, как я заметил, с нарушением сделаны. Не годятся они для высоковольтной линии... Размеры сварщики не соблюли, доставили небрежно, конструкции смяты, изломаны...

— Ничего не понимаю! — Суковатый беспомощно посмотрел на конвоира, но и тот бестолково развел руками. — Дурака валять пришел? Какие мачты, какие размеры? Что ты несешь?!

— Мысль моя устремляется дальше, гражданин начальник, мысль моя не стоит на месте, — ответил Пыёлдин, делая успокаивающие взмахи ладошками. — Вот бы эту, не совсем пригодную для монтажников мачту установить на крыше нашего здания, а? Стены бетонные, перекрытия из плит, выдержат. И взметнется красота неписаная на двадцать метров вверх! А!

— А на фига? — настороженно спросил Суковатый. От напряжения мысли он взмок и вытер лоб платочком.

— Как?! — вскричал Пыёлдин потрясенно. — Вы не хотите?!

— На фига? — угрюмо повторил Суковатый.

— Установить мачту на угол здания, в самом верху наварить площадочку для часового, сделать навес, чтоб не мок он там под дождем, чтоб не заметал его снег, протянуть свет, установить прожектор... Вся тюрьма как на ладони! Мышь не пробежит незамеченной! А если какое нарушение, если кто задумает перебросить через забор водку, деньги, наркоту отвратную, чай для чифира... Вам тут же будет известно! Все тут же будет лежать на вот этом столе. А мачта, о, какая мачта! — Пыёлдин, обхватив голову руками, некоторое время раскачивался из стороны в сторону. — Это не

мачта, а мечта! Она же светится, она украсит нашу любимую тюрьму и придаст ей вид нарядный, но в то же время бдительный, неприступный. Начальство ваше как увидит — сразу устыдится! Дескать, как сами не додумались! И ваш опыт распространит по всем тюрьмам Содружества! — Пыёлдин обессиленно откинулся на спинку стула и неотрывно смотрел в глаза Суковатого, призывая все свои внутренние силы повлиять на начальство, внушить ему восторг, чтобы не отказал Суковатый и принял бы его предложение.

— Ну, хорошо, — недоверчиво протянул тот. — Скажи тогда, будь добр... А чего это ты, вечный бегун, вдруг предлагаешь меры по устранению побегов?

— Устал я, начальник... Сколько можно бегать... И потом, подумал... Вдруг потеплеет у вас на сердце, и в моем деле вы пару добрых слов запишете... Дескать, вел себя пристойно, порядок не нарушал, даже заботился... Глядишь, оно мне и зачтется, а?

— Хм, — Суковатый поднялся, вышел из-за стола, остановился у окна. И в самом деле увидел, как через пустырь, мимо тюрьмы, на окраину города и дальше в степь протянулся длинный ряд мачт. Хорошие мачты, вынужден был признать Суковатый, высокие. И устойчивые. Если все грамотно рассчитать, забетонировать болты, то установить такую мачту можно без особого труда. И ступеньки можно наварить, и площадку с перильцами, и для прожектора место найдется... — И как это тебе в голову пришло? — Суковатый подозрительно посмотрел на Пыёлдина, который, зажав ладони коленями, молча раскачивался из стороны в сторону.

— Я же это... Старый по этому делу... Монтажник не один год оттрубил. — Пыёлдин кивнул в сторону окна.

— Да? — удивился Суковатый. — Что-то я в твоей папке об этом не читал.

— А что там напишут, — горько произнес Пыёлдин. — Украл, обманул, сбежал... Хорошее разве увидят, разве отметят? Наоборот... Если и есть что-то в человеке достойное, обязательно вычеркнут.

— Ладно тебе жаловаться! Кому-кому, но уж тебе-то грех...

— Я не жалуюсь... Живу и живу, — смиренно произнес Пыёлдин и отвернулся с безнадежностью во взоре.

— Отведи его, — сказал Суковатый конвоиру.

— Хоть дело предложил? — осмелился спросить Пыёлдин, уже переступив порог.

— Разберемся, — сухо ответил начальник тюрьмы.

— Как скажете. — И Пыёлдин вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Но увидел в последний момент, увидел все-таки — задумался Суковатый. Еще дверь была приоткрыта, а он уж к окну потянулся. «Значит, будет прикидывать, глядишь, позвонит кому-нибудь, узнает, кто работы ведет», — удовлетворенно подумал Пыёлдин. Знал он, что начальник самолюбив и тщеславен. Если уж подвернется ему возможность заслужить похвалу от руководства — в кровь расшибется, а такого шанса не упустит.

Прошла неделя, вторая. Пыёлдин заскучал, решив, что затея с серебристой вышкой сорвалась. Монтажники уходили все дальше, они уже миновали окраины города, а начальник тюрьмы ничего не предпринимал, и, хотя беседы Пыёлдина с вертолетчиком продолжались, дело не двигалось.

И вдруг...

Возвращаясь однажды от следователя, который допрашивал его чуть ли не через день, все пытаясь вызнать какие-либо подробности давнего его заблуждения, Пыёлдин увидел, как во двор тюрьмы медленно

въезжает тягач, а на прицепе... Да! Сверкает-искрится мачта для высоковольтных линий электропередачи.

О, какой радостный вопль раздался в душе Пыёлдина! Но виду он не подал, в камеру вошел уныло, не произнеся ни слова, забрался на нары и отвернулся к стене, чтобы даже по взгляду никто не догадался об истинном его состоянии. Пыёлдинский план, несмотря на всю фантастичность, начал осуществляться. Все и сейчас могло сорваться, свобода была так же далека, как и прежде, но что-то в мире произошло, что-то сдвинулось, зашевелилось, будто легкий предгрозово́й ветерок пробежал по листве, запыленной и поникшей.

На следующий день во время прогулки по тюремному двору Пыёлдин прошел мимо мачты, вроде равнодушно прошел, взглядом сумрачным и забитым скользнул вдоль всей ее длины и, не замедляя шага, поволокся дальше, чтобы даже у конвоира не возникло желания сделать ему замечание, подтолкнуть, поддать сапогом под тощеватый зад. И потом, не исключал осторожный Пыёлдин, что Суковатый в этот самый момент смотрит на него из своего окна — любил начальник тюрьмы с высоты третьего этажа понаблюдать за перемещениями по двору людей, машин, грузов.

— И ладно, — пробормотал Пыёлдин. — И хорошо. И пусть.

Мачта оказалась явно короче, чем он предполагал, конечно, не было в ней двадцати метров, в лучшем случае двенадцать. Но это неплохо — окажись мачта и в самом деле двадцатиметровой, Суковатый мог бы отказаться от затеи, побоялся бы, что она ему всю тюрьму разрушит. А так вполне нормальная, можно сказать, даже скромная длина. И установить ее на углу здания можно без всякой опаски на зависть всем тюремщикам ближнего и дальнего зарубежья.

В тот же вечер связался Пыёлдин с волей, изловчился передать с адвокатом записочку, чтоб, дескать, ждали его, чтоб подготовили все, что требуется, в достаточном количестве. Имелся у него такой адресок, были верные люди, которые знали твердо — отлучился Каша ненадолго, скоро пожалует. То-то будет радости, то-то выпьют ребята за удачу его, за отчаянную пыёлдинскую душу, за нестареющий нрав. Млел и наслаждался Пыёлдин, отвернувшись к стене, все в нем ликовало, пело и ходуном ходило, но сокамерники видели только узкую, скорбную спину да стриженный затылок.

Конечно же, никогда в жизни Пыёлдин монтажными работами не занимался, не приходилось ему ни мачты устанавливать, ни бетонировать болты, но он надеялся на свою смекалку, прикидывал, как найти человека, который бы хоть немного разбирался во всей этой премудрости. Если, конечно, дело дойдет до сооружения вышки, если не остановится Суковатый в своем стремлении выделиться среди прочих начальников тюрем, которых немало разбросано по всей земле — унылых и забитых, без полета, дерзости и стремления. А вот Суковатый... О, этот Суковатый!

И наступил день, когда Пыёлдин понял, что удача не отвернулась от него, не покинула его в жизни бесполой и преступной. Да он и сам изо всех сил старался не вспугнуть ее громким голосом, несуразным словом, даже надеяться на нее считал грешным делом. Притих Пыёлдин, вроде бы даже смирился, и взгляд его сделался приветливо-затаенным, и все поведение, может быть, даже незаметно для него самого, стало вкрадчивым, по-кошачьи мягким. Люди, хорошо знавшие Пыёлдина, могли бы уверенно сказать, что не к добру это, что на изготовке Пыёлдин и лишь выжидает момент, чтобы совершить новый умопомрачительный

прыжок. Но таких людей в этой тюрьме, в этой камере не нашлось, и потому все решили — сломался Пыёлдин, не выдержал многолетних тюремных тягот. И никому в голову не приходило, что никогда еще не был он так воодушевлен, никогда так полно не охватывал его порыв безрассудный и отчаянный.

— Пыёлдин! — заорал дурным голосом конвоир, как-то заглянув в камеру. Заорал так, что все ее обитатели вздрогнули от неожиданности. — Есть такой?

— Ну? — подал голос Пыёлдин.

— На выход!

— С вещами?

— Ха! Рановато тебе еще с вещами... Лет через десять вызову с погаными твоими вещичками... Если будешь хорошо себя вести. В следующем тысячелетии выйдешь.

— Говорят, скоро конец света наступает, — пробормотал Пыёлдин, соскальзывая с нар. — Все избавление...

— Тебя это не касается! Не надейся. Ишь, размечтался! Если конец света и состоится, то не для тебя... Ты свое отсидишь в любом случае.

— Дай бог, — пробормотал Пыёлдин, семена к выходу и на ходу натягивая фуфайку.

— Что-то не нравишься ты мне, Пыёлдин, какой-то ты сегодня не такой, а?

— Годы, — Пыёлдин развел руками. — Годы... С ними не поспоришь. Кого угодно к земле пригнут. Куда идем-то?

— Начальник вызывает.

— Это хорошо.

— Работу хочет важную поручить.

— Работа всегда в радость! — не сдержавшись, воскликнул Пыёлдин. — Работой нас не запугаешь!

— Ну, ты даешь! — покачал головой конвоир, хорошо знавший о многочисленных отсидках зэка. — Кто же тебе раньше-то мешал отдаваться работе без остатка?

— Да ваш брат и мешал... Бывало, только соберешься, только настроишься на ударный труд, а вы уж тут как тут... «Руки вверх! — кричат. — Стрелять буду!» Собаками травят, руки вяжут, запихивают в какие-то кутузки на колесах... Какая работа, если руки связаны?

— Ну, ты даешь, — повторил конвоир. — Хитрый ты мужичок, как я посмотрю, ох и хитрый... С тобой надо ухо остро держать.

— Держи, — кивнул Пыёлдин и тут же спохватился — если даже этот мордovorот что-то заподозрил, если уж он считает его хитрецом и пронырой, то останавливаться надо срочно.

И Пыёлдин замолк. На все слова конвоира лишь печально качал головой не то осуждающе, не то безразлично.

— Давно не видел тебя, Пыёлдин! — встретил его Суковатый напористо и улыбочиво. — Где пропадал?

— Делом был занят.

— Каким?! — поперхнулся начальник.

— Срок отбывал.

— И как?

— Нормально... Идет срок. Совсем немного осталось.

— Говорит, конец света ожидается, — доложил начальству конвоир. — Дескать, стены рухнут, мертвецы из могил поднимутся... Надеется среди них и затеяться.

— Точно? — переспросил Суковатый.

— Как получится, — уклонился от ответа Пыёлдин. — По-разному может получиться...

— Не советую, — поморщился Суковатый. — Не советую, — добавил он, помолчав. — Лучше уж в тюрьме, но среди живых. Покойники... Они ребята странные, никогда не знаешь, чего от них ожидать, в какую сторону их занесет, — Суковатый мрачно задумался, словно и в самом деле вспоминал о неприятных встречах в потустороннем мире.

— Наговаривает, — кивнул Пыёлдин в сторону конвоира. — Я сказал в том смысле, что вообще скорей бы конец... Устал я, начальник, сломался я...

— Неужто в самом деле?

— Похоже на то.

— Ты вот что, — строго проговорил Суковатый, нахмурившись. — Ты с этим делом кончай, погоди ломаться-то! Сделай порученное, а потом уж как захочется... Хочешь — ломайся, хочешь — кривляйся, на ушах ходи... Ишь! Как к работе, так он скорей ломаться! Не выйдет, Пыёлдин! На этот раз тебе не удастся никого объегорить!

— Ох-хо-хо! — вздохнул Пыёлдин.

— Мачту во дворе видел?

— Красивая мачта.

— Твоя затея... Радуйся!

— Я, конечно, извиняюсь... Но такая вот просьба... Вы не очень-то об этой мачте, об затее...

— А что такое? — насторожился Суковатый.

— Узнают ребята в камере... Вам новые расходы... Гроб, яма, музыка...

— Музыка?! — расхохотался Суковатый. — Ты надеешься на музыку?! Пыёлдин! На оркестр даже я не рассчитываю, а уж тебе-то... Значит, так! Я тебе такую музыку устрою... Из гроба встанешь! Попомни мое слово!

— Попомню.

— И заруби себе на носу.

— Да я бы и не возражал... Из гроба-то поднять-ся... И никто бы не возражал.

— Ладно, хватит трепаться. Заладил, понимаешь, гроб, конец света, покойники по улицам бродят... Мачту надо ставить. Понял? Ты говорил, что по этому делу вроде как мастер, а?

— Говорил.

— Приступай.

— Вот так сразу? Кое-что требуется для работы...

— Что нужно? — Суковатый придвинул к себе календарь и взял ручку. — Говори, записываю.

— Крепежные болты...

— Анкерные?

— Называйте их как угодно... Любым словом. Я иностранным языкам не обучен. Крепежные болты бетонируются по углам. А потом, когда бетон схватится, на них, на болты то есть, мачта надевается. И гайками прихватывается. Для прочности и от злого умысла гайки лучше тоже залить бетоном.

— А какой может быть умысел? — Суковатый напряженно притянул к столу полную грудь.

— Ну, как... Возьмет какой дурак из шалости да и отвинтит... Мачта качнется, часовой с автоматом наверху потеряет самообладание, шмальнет очередью по окнам, десятки погибших заключенных, сотни раненых, тысячи сбежавших...

— Не пойму я тебя, Пыёлдин, — Суковатый облегченно откинулся на спинку стула. — То ли ты природный дурак, то ли прикидываешься от скуки, а?

— Не силен я в словах, начальник... Вот когда дело какое есть, когда работа настоящая — я в порядке, а в словах, может, и в самом деле дураком кажусь... Не дано мне этого знать. Помню, еще моя первая учительница всегда говорила...

— Ладно, — раздраженно прервал Пыёлдина начальник тюрьмы, почувствовав, что вязнет, задыхается в этом бестолковом пререкании. — Дурак ты или нет, а работу надо выполнить. Про болты и гайки записал... что еще нужно для установки мачты?

— Бетонный раствор нужен. Не штукатурный, а именно бетонный. В городе должен быть бетонный узел — возьмете два-три куба, больше не понадобится. Вам дадут.

— И сколько же мне дадут? — побледнел от оскорбления Суковатый. — Год? Пять лет? Десять?

— Я не о том... Раствор вам дадут.

— А почему ты решил, что мне дадут?

— Ну как, — застеснялся Пыёлдин. — Начальник тюрьмы все-таки... Не хвост собачий.

— Что же из того, что я начальник тюрьмы? — продолжал допытываться Суковатый.

— Понимают же идиоты на бетонном узле, что каждую минуту могут оказаться в вашем полном распоряжении.

— Это почему же они должны так думать?!

— Потому что воруют. Сами знаете... Дай бог, чтобы каждый второй куб по разнарядке шел, а то ведь где-то четвертый, пятый куб идет по назначению. Остальное на сторону. Рыночные отношения требуют... Вам они тоже вроде как на сторону отдадут. А вы здесь уже можете все с бумажками оформить, дескать, большие расходы понесли... Глядишь, кое-что на дачку перепадет.

— Слушай, ты! Пыёлдин! Говори да не заговаривайся!

— Вот выпишете не два куба, а все пять... И считайте, что фундамент для дачи у вас уже есть. Дело житейское... А на даче бетон всегда нужен — дорожка, яма сливная, в подвале работы... Мало ли... — Пыёл-

дин тоскливо смотрел в окно, всем своим видом давая понять, что все эти милые житейские хлопоты ему недоступны.

— На свой аршин меряешь! — гневно произнес Суковатый и опасливо покосился на конвоира, который внимательно вслушивался в разговор. — Хорошо... Бетон. Уяснили. Что еще?

— Доски для опалубки... Тоже не мешало бы с запасом... Мало ли... Уголки железные для ступенек и перил... Железные листы для площадки... Проектор...

— Записал!

— Ну, и это... Люди. Кадры решают все.

— Сколько?

— Человек десять, двенадцать...

— Ты что?! Совсем ошалел?! Может, тебе всю тюрьму в команду записать?

— Гражданин начальник, — Пыёлдин наконец осмелился взглянуть Суковатому в глаза. — Прикиньте сами... Какой из зэка работник? Думаете, носилки они будут вдвоем таскать? Ни фига! Вчетвером. Да еще один будет рядом идти и советы давать... Да-да! У носилок четыре ручки, и за каждую отдельный зэк будет двумя руками держаться. И потом... Ни один из них не станет насыпать бетон на эти несчастные носилки... Для насыпания бетона нужно еще четыре человека... А плотницкие работы? А земляные? А кровельные? Думаю, что и двенадцати будет маловато... Но дело сделаем, — успокоил начальство Пыёлдин. — Сделаем дело. Как в лучших домах города Днепропетровска, — вздохнул от неизъяснимой тоски Пыёлдин.

— Где?

— Да это я так... К слову.

— Хорошо, — Суковатый опять что-то записал на листке отрывного календаря. — Это все семечки... Главный вопрос... Ты о главном подумал?

— Это о чем? — спросил Пыёлдин, и сердце его дрогнуло — разговор невольно скатился к самому важному.

— Как ты собираешься эту дуру наверх поднять? Как ее на болты насаживать?

Прозвучал, все-таки прозвучал вопрос, которого Пыёлдин опасался больше всего. Не потому, что не знал ответа, ответ он прекрасно знал с самого начала, боялся выдать себя блеском глаз, дрогнувшим голосом, неверным движением рук. Больше того, он опасался за свой организм, который мог неведомым образом послать сигнал тревоги организму Суковатого, и тот обо всем догадается, все поймет, прозреет, спохватится...

Заминка в разговоре возникла невольная и потому естественная. Суковатый по простоте душевной понял ее так, что Пыёлдин и в самом деле не подумал о том, как поднять мачту на третий этаж, как на крыше установить, как насадить ее на стальные болты. И потому терпеливо ждал ответа, давая возможность Пыёлдину поразмыслить, поприкинуть, попытаться что-то предложить.

— А что тут думать, начальник, — проговорил Пыёлдин, не поднимая головы, только руками развел, даже не руки у него в стороны пошли, одни ладошки. — Я так прикидываю — без вертолета не обойтись.

— Где же я тебе вертолет возьму? Ты чего несешь-то?

— Ха! — Этот вопрос был уже попроще, и Пыёлдин с облегчением поднял голову, посмотрел в настоженные суковатовские глаза. — Да любая воинская часть будет счастлива нам удружить.

— Кому это нам?

— Ну... Вам и мне, — совсем уже осмелел Пыёлдин и даже усмехнулся рискованности своей шутки.

— Это почему же она будет так счастлива?

— Да все потому же, начальник!

— Отвечай, когда спрашивают! — требовательно произнес Суковатый, чуть повысив голос.

— Так ведь это... Если им ревизию хорошую устроить... Половины автоматов недосчитаются, это уж точно.

— Где же у них автоматы?

— В Чечню продали, чего тут думать! Чем чеченцы воюют? Откуда у них гранатометы, танки, самолеты и прочее добро? Все попродали! Сам помню... — В этом месте Пыёлдин спохватился и умолк, опустив голову.

— Что ты помнишь? — протянул Суковатый. — Давай-давай, рассказывай все без утайки!

— Помню, в газете читал... Дескать, не очень бережно в воинских частях к личному оружию относятся... А вы что подумали?

— Ладно, читатель, — усмехнулся Суковатый. — Вертолет, говоришь, — он задумчиво уставился в окно. — Вертолет... Знаю, есть у ребят вертолет... И грузоподъемность позволяет... Придется поговорить. Надолго он нам понадобится?

— Если все будет подготовлено, если водила ихний не дурак, да еще и трезвым окажется, если болты удачно забетонируем... То за полчаса можно управиться.

— Полчаса?! — обрадовался Суковатый.

— А чего? Можно... Но по опыту знаю — уйдет не меньше трех часов... А то и больше.

— Три часа?! — ужаснулся Суковатый.

— Смотрите сами, начальник... Прилетит... Он что, сразу схватил и поволок? Нет. Ему, водиле, надо подняться на крышу, познакомиться с обстановкой, он должен осмотреть болты, чтобы знать, как повернуть мачту, каким концом ее опустить, где приподнять... Моя задача — все объяснить, растолковать, мордой

его в болты ткнуть... А он поймет не сразу, с третьего захода начнет до него доходить... В лучшем случае... Потом закрепление тросов... И опять же не с первого раза. С первого раза тросы обязательно соскользнут, потому что ээки, должен вам сказать...

— Знаю, — нетерпеливо перебил начальник тюрьмы. — Говори дальше.

— То, что я перечислил, — это уже больше двух часов. Потом поднимать начнет...

— А чего там поднимать-то?

— Ну, как... То мимо пронесет, то трубу зацепит, то зависнет на такой высоте, что до него и не дотянуться... Сколько раз, помню, бывало на трассе... — Пыёлдин задумчиво уставился в зарешеченное окно, за которым полыхала синева свободного неба.

— Дальше!

— Вот так с третьей попытки и посадим. Тут же гайками зажем, контрики закрепим... И дело сделано. Стоит, красавица, на зависть всем остальным тюрьмам государства. Но ведь надо еще троса отцепить, а это опять для водилы посадка на тюремный двор... Потом уже можно звать сварщика, дальше все проще... Наважить ступеньки, присобачить площадку, из арматурной проволоки перила сделать...

— И все?

— А там нужно и о банкете подумать.

— О каком банкете?

— Положено, начальник... Обновку обмыть надо...

А то ведь завалится площадка в неурочный час, как пить дать завалится... Вы вот с руководством воинской части коньячку отведаете, а нам на обед по компоту выдадут за хорошую работу, — Пыёлдин горестно усмехнулся. — Мы свое место знаем, сделали доброе дело — и на нары, срок досиживать, хорошую характеристику зарабатывать.

— Да ладно тебе... Поднесу коньячку, так уж и быть, — Суковатый махнул тяжелой мясистой рукой. — За хорошую работу можно по сто грамм.

— Много доволен, — пробормотал Пыёлдин, пряча глаза. — Премного благодарен, — он еще ниже опустил голову, чтобы не заметил начальник тюрьмы дьявольского блеска в его глазах.

— Отведи в камеру, — приказал Суковатый конвоиру. — Пусть пока отдыхает, сил набирается.

Пыёлдин вышел, так и не подняв глаз. Заложил руки за спину, как положено, ссутулился, вперил глаза в крашенный бетонный пол и зашагал по знакомому до каждого гвоздя коридору в камеру, провонявшую всеми человеческими отходами, которые только можно себе вообразить.

Следующие две недели прошли в напряженных подготовительных работах. Бригада из двенадцати человек, которых отобрал сам Пыёлдин, руководствуясь одному ему известными признаками, медленно, но верно продвигалась вперед, выполняя порученное дело.

Несколько дней сколачивали опалубку на крыше, закрепляли ее, потому сама по себе она стоять не могла и начала расползаться еще до заполнения бетоном. Эки ворчали, Пыёлдин носился от подвала до крыши, покрикивал, что-то отмерял шагами, сбивался, начинал сначала. Видимо, в жизни ему не часто доводилось пользоваться рулеткой, если он вообще когда-нибудь держал ее в руках. Топор тоже валился у него из рук, молоток бил вкось, вгоняя гвоздь в толстую доску так причудливо, что никогда нельзя было предугадать, куда гвоздь пойдет — острое вылезало в самых неожиданных местах, так что и вытащить его было непросто. Доски раскалывались, приходилось отпиливать новые, Суковатый ругался на чем свет стоит, поскольку доски

эти, по его прикидкам, должны были остаться и отправиться в другое место, более милое его сердцу, нежели тюрьма, наполненная отвратительными зэками, от которых каждую минуту можно было ожидать какой-нибудь гадости.

Наконец, когда опалубка была готова, когда арматура была уложена внутри, бригада начала ведрами таскать бетонный раствор на крышу. К концу четвертого дня все четыре болта были залиты. Но когда к ним приложили фанерный трафарет, изготовленный внизу, у мачты, выяснилось, что дыры этого трафарета на болты не попадали. Их начали выворачивать из полузастывшего бетона, сдвигать в стороны, к центру, и в конце концов добились — трафарет с грехом пополам наделся на болты.

Суковатый молча стоял у окна в своем кабинете и с подозрением присматривался к странной бригаде, которая время от времени схватывалась в яростном стремлении выяснить, как прибить доску, как забить гвоздь, с какой стороны зайти к опалубке, чтобы высыпать в нее ведро бетона. Конечно, будь Суковатый более образован в строительном деле, он бы надоумил или уж в крайнем случае, расшвыряв бестолковых работничков, сам бы показал, как чего делать. Но он тоже никогда в жизни не занимался строительством, поэтому зэковский спор казался ему дельным и разумным.

Поздним вечером, когда все болты были заново залиты бетоном, строителей, пошатающихся от непривычных усилий, развели по камерам. Все расходились молча, на Пыёлдина смотрели не столько со злостью, сколько с недоумением — никто не мог понять, зачем Каша ввязался в эту дурацкую затею, почему суетится, носится по этажам, какой во всем этом смысл?

Но Пыёлдин молчал.

Его материли так, как, наверное, никогда еще никого не материли на этой земле. Пыёлдин выслушивал гневные, в общем-то, справедливые упреки и кивал — дескать, все правильно, я с вами согласен, но надо бы еще десяток ведер свинцово-тяжелого бетона поднять на крышу. И только когда его уж совсем донимали, когда хватали за грудки и поднимали в воздух, готовые забетонировать вместе с опостылевшими болтами, он выставлял вперед свою натруженную за последние дни ладошку и проникновенно говорил:

— Вы не пожалеете... Сука буду, не пожалеете.

— Но ты, Каша, крепко пожалеешь, если все кончится компотом! — яростно вращая глазами, говорил ему вертолетчик Витя и вертел перед глазами бледного Пыёлдина громадным волосатым кулаком.

— Не пожалеете! — твердил Пыёлдин.

— Хоть бы харч давали человеческий! — орали ему в лицо. — Уродуемся с утра до вечера, а кормят бурдой. Жлоб твой Суковатый! Жлоб, каких свет не видал!

— Зэки! — торжественно шептал Пыёлдин. — Зэки, попомните мое слово... Не пожалеете.

— Говори, в чем дело! — требовали от него. Но здесь Пыёлдин был тверд и никакие угрозы на него не действовали. Видя такую непоколебимость, все убеждались, что у Пыёлдина действительно что-то на уме. И, ворча, снова брали ведра, медленно карабкались по перекладинам.

— Ну, Каша... рискуешь, — говорили ему.

— Знаю.

— Головой рискуешь!

— А у меня больше и нет ничего!

— Найдем еще кое-что, — заверяли его, и Пыёлдин прекрасно понимал, что это не пустые слова. Но понимал он и то, что малейшая его слабинка, самый

невинный намек на истинный его замысел-умысел все разрушат. Не мог, ну просто никак не мог Суковатый оставить их всех без надзора, без бдительных ушей. Наверняка он изловчился приставить к ним стукача, который доносит о каждом сомнительном слове, взгляде, вздохе. Но Пыёлдин настолько затаился в трепетном своем ожидании, что даже в небо боялся взглянуть лишний раз, чтобы не навести никого на подозрения. Да, в ясное, синее, просторное небо он смотрел крадучись, каждый раз находя для этого какое-нибудь оправдание, объяснение на случай, если кто спросит, чего, дескать, в небо уставился? Пыёлдин любовался небом, лишь когда никого не было рядом и никто не смог бы уличить его в этом сомнительном занятии — разглядывании белых облаков, пролетающих самолетов, верхушек деревьев за высоким забором, увитым колючей проволокой...

Пыёлдин знал, что единственный способ убежать из этой тюрьмы — взмыть в небо. В грохоте мотора, в мелькании лопастей, сливающихся в один почти невидимый круг, в будоражащем запахе бензина, в пыли, которая поднимется с тюремного двора и все покроет непроницаемой серой мглой — взмыть в ясное небо и унести, унести, унести!

К чертовой матери!

На свободу!

Пусть недолгую, жалкую, запуганную свободу, которая в конце концов добавит еще несколько лет к сроку, но унести!

Три мешка цемента приказал Пыёлдин утаить, спрятать в надежном месте, но рядом, недалеко, чтоб в нужную секунду оказались бы они под рукой. Сокамерники диву давались — на кой мужику цемент? Ведь не продашь его здесь, не выменяешь, не перебросишь через забор пятьдесят килограммов! Но в действиях,

в словах, даже в молчании Пыёлдина была такая уверенность, доходящая временами до ожесточенности, что сокамерники, опытные и немногословные зэки, начали что-то понимать, вернее, догадываться — Пыёлдин явно имел какой-то дальний смысл, тайный замысел, коварный умысел.

И подчинялись.

Пыёлдина уже не пытались расколоть, перед его поганой мордой не потрясали карточной колодой, грозя проиграть его вместе с заношенными трусами. Каждое слово выслушивали даже с некоторым подобострастием, указания выполняли хотя и неохотно, но быстро, четко, молча. Правда, пытались, пытались заглянуть ему в глаза, надеясь найти там ответ и сразу все понять. А Пыёлдин глаза свои блудливые прятал, отворачивался, опускал голову, словно и в самом деле опасался, что по его нестерпимо синим зенкам можно было о чем-то догадаться.

Наконец пришло известие — завтра будет вертолет.

Все молча переглянулись и уставились на Пыёлдина. Напряженно, выжидающе, с некоторой опаской.

— Что скажешь, Каша?

— Мешки с цементом поднять из подвала и сложить наверху.

— Зачем? Каша, скажи, наконец, — зачем?! — плачуще простонал Козел.

— И замаскировать пустыми бумажными мешками из-под того же цемента, — твердо произнес Пыёлдин.

И не добавил больше ни слова.

И ушел в железную будку, служившую бытовкой.

Два зэка, Козел и Хмырь, получив такое указание уже после рабочего дня, опять же молча посмотрели друг на друга, посмотрели в сутулую спину удаляющегося Пыёлдина и, вздохнув, направились в подвал. Покрякивая, выволокли один за другим три мешка

цемента, сложили их один на другой и с облегчением отряхнули руки. Но тут вернулся Пыёлдин и негромко потребовал, чтобы все мешки были положены в ряд.

— Им что, так лежать неудобно? — спросил Козел с раздражением. — Может, им на попа хочется?

— В один ряд, — повторил Пыёлдин с бесконечным терпением. — И чтобы между мешками были небольшие просветы.

— Душно им, выходит? — подал голос Хмырь — длинный, рыжий, с красными воспаленными глазами, в которых давно угасли все чувства и желания, кроме одного... Впрочем, угасло и это, последнее чувство-желание.

— Да, — кивнул Пыёлдин, — они должны подышать. Между ними должен быть воздух.

Зэки опять посмотрели друг на друга, как бы удивляясь — с кем только не приходится общаться, и положили мешки в ряд, с небольшим просветом примерно в ладонь.

— А теперь, — продолжал Пыёлдин все так же негромко и терпеливо, — возьмите вон ту скобу, я ее специально для вас приготовил, и вспорите мешки.

— На фига?! — взвился Козел — длинный, узкоплечий и весь какой-то постоянно взвинченный. Если бы он действительно был козлом, то наверняка бодливым.

— Только осторожно, чтобы не просыпался цемент.

— Слушай, Каша, — произнес Хмырь, — ты того... Кончай куражиться. Всему есть предел.

— Не пожалееете, — ответил Пыёлдин и направился к себе в камеру. А Козел и Хмырь, заглянув за угол, действительно обнаружили скобу с острыми зубьями и вспороли все три мешка, обнажив серый, мельчайшего помола сухой цемент. Не успели они снова от-

рыхнуть руки, как сзади возник Пыёлдин — вернулся, не смог уйти, оставив что-то несделанным. Слишком большое значение в его планах имела каждая мелочь, каждый пустяк.

— Все? — угрюмо спросили зэки.

— Еще небольшое дельце... Пошли. — И, не оглядываясь, Пыёлдин направился к бытовке, сваренной из ржавых железных листов. Сюда сваливали после работы лопаты, ломы, ящики с гвоздями, заносили сварочный аппарат. Тут же стоял стол, сколоченный из какой-то деревянной трещины — реек, державок от лопат, обрезков прессованной стружки. По углам валялись банки из-под краски, окаменевшие кисти, сломанные носилки и прочий хлам. Войдя в бытовку, Пыёлдин внимательно осмотрелся по сторонам, подождал, пока подойдут поотставшие Козел и Хмырь.

— Ну? — сказали они одновременно. — Что еще?

— Значит, так... Легкий марафет. Задача ясна?

— Что это такое — легкий марафет? — спросил Хмырь.

— Лопаты в угол, носилки вынести, банки сложить с внешней стороны, пол подмести, стол починить, чтобы он хотя бы стоял на четырех ножках, а не на трех. Вопросы есть?

— Зачем, Каша? — проронил Козел.

— На работу пятнадцать минут. А то вон конвоиры уже заволновались... Проголодались ребята.

— А о нас ты подумал, Каша? — спросил Хмырь, чуть не плача от досады и непонимания происходящего.

— Все мои мысли о тебе, Хмырюга, все мечты. Да, банки выносить не надо, оставьте их в будке, но сложите в угол одну на другую, чтобы меньше места занимали.

— Зачем, Каша?!

— Знаете, как Суковатый обалдеет, когда увидит такой вот порядок! — воскликнул Пыёлдин и впервые за многие дни поднял голову и бесстрашно посмотрел сокамерникам в глаза. Взгляд у него был ясен, переполнен светлой радостью и надеждой на свободную, счастливую жизнь. Весь гнев и Хмыря, и Козла как-то исчез, испарился сам по себе.

— Ох, Каша... Доиграешься, — проворчали зэки, но все сделали так, как потребовал Пыёлдин. Даже больше сделали — лавку поправили, хотели решетку с маленького окошка снять, но Пыёлдин не позволил.

— Пусть остается, — сказал он, склонив в задумчивости голову к плечу. — А вот ломы надо вынести.

— Пусть себе стоят! — полуобернувшись, не столько возразил, сколько попросил Хмырь.

— И лопаты тоже, — неумолимо продолжал Пыёлдин.

— А может... — начал было Козел, но не успел закончить, потому что в голосе Пыёльдина вдруг прозвучал такой скрежещущий металл, что зэки оторопели, но опять же сделали все как надо — ломы вынесли и сложили в сторонке, сверху побросали лопаты, гвоздодеры.

— Ну? — спросил Козел. — А теперь что? Опять вносить?

— Не надо, — твердо сказал Пыёлдин, не приняв шутки.

— А может, покрасить будку-то? — предложил Хмырь. — Может, тряпочкой ее протереть?

— Не надо, — повторил Пыёлдин. Войдя в бытовку и еще раз внимательно осмотрев ее, Пыёлдин широко улыбнулся. — Как приятно все-таки находиться в чистом, прибранном помещении! — воскликнул он, но тут же опасливо отошел в сторонку, потому что знал — за такие слова можно запросто схлопотать ло-

патай по заднице, если не по физиономии. Конвоиры уже махали руками, поторапливая работников, и Пыёлдин, воспользовавшись этим, трусцой засеменил через двор. Следом за ним размеренно и хмуро зашагали Хмырь с Козлом.

Последнюю ночь перед побегом Пыёлдин не сомкнул глаз. Он изо всех сил старался сделать вид, что спит давно и беззаботно, но обмануть своих многоопытных сокамерников не мог. Да и как он мог ввести их в заблуждение, если поминутно переворачивался на другой бок, на спину, тяжело, с надрывом вздыхал, а то вдруг закидывал руки за голову и смотрел бессонными глазами в близкий потолок, выкрашенный какой-то грязно-неопределенной краской.

— Что, Каша, — усмешливо окликали его сокамерники. — Тяжело дается физический труд?

— Да нет, ничего... Жить можно, — отвечал Пыёлдин, не оборачиваясь. — Ничего.

— Нелегко с начальством дружить, да?

— Годы, — со вздохом отвечал Пыёлдин и этим ничего не значащим словечком как бы гасил интерес к себе и со стороны приятелей, и со стороны неведомых ему стукачей. А в том, что стукачи в камере были, он нисколько не сомневался. И потому постоянно делал поправку на них, на стукачей. Докладывайте, дескать, доносите, граждане хорошие, годы меня давят и гнетут, годы...

— В твои годы на воле давно пора быть, — усмехался невидимый в слабом свете Хмырь.

— С твоим умом здесь тоже делать нечего, — отвечал Пыёлдин.

— Мой ум всегда при мне, — отчего-то злясь, произносил Хмырь.

— И годы мои тоже при мне, — улыбался Пыёлдин.

— Ну и заткнись!

— Если бы я был такой умный, как ты, я бы так не разговаривал, — поддразнивал Пыёлдин тугодумного Хмыря.

— А как бы разговаривал? — спросил тот после долгого молчания.

— Молчал бы.

— Что ж тебе мешает молчать-то?

— Да вот пристают по ночам всякие умники... Озабоченные.

— Каша... Обижаешь. Нехорошо. Ты меня слышишь?

— Нет, Хмырь, не слышу. Я сплю. И ты мне снишься... Красивый, молодой, на берегу моря... Рядом с тобой девушка необыкновенной красоты... Она улыбается, гладит рукой по щеке, целует и прижимается к тебе... На ней голубой купальник и... И больше ничего на ней нет...

— Каша... Я тебя убью, — произнес Хмырь глухим голосом и замолк до утра.

А утром, как это всегда и бывает, начались неувязки. Вертолет, который должен был прилететь сразу после завтрака, почему-то задерживался. Суковатому сказали, что у него что-то сломалось, потом выяснилось, что его перебросили на другой объект и тем самым нанесли Суковатому несильную, но болезненную обиду, дескать, есть в мире кое-что поважнее твоей вышки. Суковатый обиду проглотил и остался в своем кабинете, стоя у окна, раскачиваясь из стороны в сторону и глядя в пустынное небо...

Уже после полудня как-то неожиданно над тюремным двором возник вертолет. Он зашел со стороны, приблизился, и тогда все сразу дружно ахнули — башки, вертолет!

И обрадовались.

Не потому обрадовались, что была надежда на что-то там особенное, а просто от неожиданности — знакомый, непривычный предмет висит в воздухе, гудит мотором, машет крыльями и опускается сверху вниз.

Сбежал по лестнице Суковатый, заметался по двору Пыёлдин, зашевелились зэки вокруг мачты, прикрепляя к ней петли из толстой проволоки. Тюремный двор был довольно большой, и вертолет без труда приземлился в самом его центре, подняв пыль и разметав обрывки бумажных мешков из-под цемента. Хотя Суковатый и велел с утра подмести двор и полить его водой, но за день двор снова просох и снова был раскален под солнцем.

Лопасты еще повернулись некоторое время, потом обвисли под собственной тяжестью и остановились. Столпившиеся вокруг машины зэки наблюдали, что будет дальше. Открылась железная дверца, и на землю один за другим спрыгнули два парня в зеленоватой пропотевшей форме.

— Привет, зэки! — воскликнул один из них, приветственно подняв руку.

Зэки угрюмо молчали.

Положение спас Суковатый — растолкав заключенных, он протиснулся к вертолету, пожал парням руки, поулыбался и поволок их показывать мачту. Вертолетчики тоже улыбались, что-то отвечали Суковатому, смотрели вверх, на угол тюремного здания, где, как чудища на соборе Парижской Богоматери, сидели несколько зэков на корточках и, подперев щеки кулаками, смотрели вниз.

— Ну что? — донесся до зэков вопрос Суковатого к вертолетчикам.

— А что... Будем думать.

— Думай не думай, а делать надо. — Суковатый посмотрел на часы, давая понять, что времени до ве-

чера осталось не так уж много, неплохо бы и поторопиться.

— Успеем, — протянул один из вертолетчиков, щурясь на солнце.

Как и у всех шабашников страны, в их движениях, словах, походке ощущались ленца и сознание собственной значительности — от них в конце концов зависело, получится у заказчика что-нибудь или ничего не получится.

Спасаясь от жары, зэки расположились в тени здания и беседу Суковатого с вертолетчиками наблюдали со стороны. Пыёлдин сел рядом с вертолетчиком Витей, который смотрел на зеленую машину с бесконечной скорбью, немало, видимо, у него было связано воспоминаний с такими вот вертолетами. Пыёлдин положил ему руку на плечо и уже одним этим создал некую приятельскую задушевность.

— Знакомая машина? — спросил он, кивнув на вертолет.

— Моя машина, — негромко ответил Витя. — Семь лет я на такой отлетал, семь лет.

— Хорошие были времена?

— Знаешь, Каша, все, что было раньше... всегда кажется хорошим. Я даже так скажу... Состаримся — эту тюрьму будем вспоминать со слезами на глазах... И сейчас вот... Верни мне все, что было... И большего счастья нет на земле. А ведь тогда-то мы материли жизнь... И денег мало, и одежда не та... И женщина, которая убивается по мне, тоже не больно красива, где-то есть краше...

— А еще полетать хочешь? — спросил Пыёлдин безжалостно, прерывая причитания вертолетчика.

— Чего об этом трепаться... А мне сидеть еще четыре года, как в песне поется... Душа болит, так хочется домой...

— А мы и не трепемся, — тихо проговорил Пыёлдин, глядя в слепящее небо. — Мы готовимся.

— К чему? — побледнел Витя.

— К отлету, — ответил Пыёлдин и продолжал щуриться в небо и улыбаться, как улыбаются собаки в жару — легко, беззлобно, просто потому, что так сложились складки на морде. Потом Пыёлдин опустил голову и так же, ослабившись, продолжал смотреть в пространство двора, на начальство, на конвоиров, которые тоже, изнуренные зноем, жались в тень и маялись от безделья, не зная, куда пристроить свои обшарпанные автоматы.

— Не понял! — отрывисто сказал Витя и резко повернулся к Пыёлдину.

— Ты вот что, Витя... Не дергайся, понял? Веди себя как я, например... Лениво, бестолково, глуповато... Открываю тайну... Хочешь?

— Хочу.

— Так вот. Всю эту стройку я затеял только ради тебя... Чтобы ты получил наконец в свое распоряжение настоящий, хороший вертолет. Вот он перед тобой. Бери его. Он твой.

— А на фига он мне?

— Чтобы здесь больше не сидеть. Улетишь отсюда примерно через полчаса... И мы улетим вместе с тобой.

— Куда? — спросил Витя, ошалело вращая глазами.

— На волю.

— Зачем?

— Чтобы не быть в тюрьме. Мне здесь не нравится. Здесь плохо. А там, — Пыёлдин показал рукой в ясное небо, — там хорошо. И мне туда хочется. И тебе хочется. Ты сам говорил. И всем зэкам, которые вон в тенечке расселись... Тоже хочется.

— Чего им хочется?

— К морю. В лес. На речку. К бабе. К детям. К маме. К папе. Ты хочешь к папе?

— Хочу.

— Летим?

— Не знаю...

— Помнишь, мы с тобой в камере трепались... Ты говорил, что летал и еще хочешь летать... Я запомнил. Вот она, твоя игрушка. Сверкает на солнце, пахнет бензином, в рабочем состоянии...

— И это... Это все ты?!

— Пришлось поработать, — скромно потупился Пыёлдин. — Пришлось мозгами пошевелить... Признаюсь — было трудно. Теперь все зависит от тебя, Витя. Не оплошай.

— Думаешь, смогу? — Витя недоверчиво посмотрел на свои ладони.

— Уверен. На сто процентов. Слушай меня... Значит, так... Суковатый, как мне кажется, сейчас слиняет...

— А если не слиняет?

— Слиняет. Оставит зама. Вдруг у нас что-то не получится? Вдруг мачта оборвется и раздавит всех эков? Вдруг стена здания не выдержит и тюрьма рухнет... Мало ли чего может случиться... А так... Он уходит, оставляет зама... Ему и отвечать. В случае успеха — Суковатый на коне, в случае неудачи — заму по заду. Готовься, Витя. Другой возможности не будет. Взлетаем в ближайшие полчаса... Если сложится — через пятнадцать минут. Объявляю пятнадцатиминутную готовность.

— Ребята знают?

— Нет. Знаем только мы с тобой. Им скажу в последний момент. В самый последний. Дескать, прошу на посадку.

— Не дрогнут?

— Пусть остаются двор подметать.

— А если кто наступит?

— Не успеет. Я же сказал — приглашу только на посадку. Все остальное сделаю сам. Кроме вертолета. Машина на тебе. Сможешь? Взлетишь?

— Постараюсь.

— Забудь, понял?! Забудь!

— Что забыть? — Витя растерянно посмотрел на Пыёлдина.

— Забудь это слово — постараюсь. Стараться не надо. Нигде. Никогда. Ни с кем. Надо просто делать. Завести мотор и взлететь! В небо! Понял?

— Мотор должен прогреться...

— Он еще не остыл. И не остынет на такой жаре.

— Вообще-то да... Конечно... Смотри, Суковатый и в самом деле уходить собрался.

— Вот видишь... И это я предусмотрел. Да и неважно, уйдет он или не уйдет... Это его личное дело. Пусть сам решает, сам думает. Главное сейчас — ты, Витя. В кабине какие-то ключи должны быть? О ключах мне нужно подумать?

— Если предполагается скорый взлет, то ключи обычно оставляют в замке зажигания.

— Если так... Мы займемся мачтой, крючьями и прочей ерундой, а ты должен заглянуть в кабину. Если ключи на месте, дашь мне знать. Если ключей нет — тоже сообщишь. Вопросы есть? Вопросов нет. Вперед без страха и сомнений.

Пыёлдин медленно, лениво поднялся, отряхнул зад от пыли, потоптался на месте, чтобы все видели, какой он сонный, ленивый, бестолковый, и побрел к вертолету. Подошел, хлопнул ладонью по пыльным горячим бокам, оглянулся на приближающихся вертолетчиков, улыбнулся.

— Сил-то у машины хватит эту дуру поднять? — Он кивнул в сторону мачты, лежавшей на боку.

— Не о том спрашиваешь, мужик, — один из вертолетчиков отодвинул Пыёлдина от дверцы.

— А о чем можно спросить?

— За что цеплять? Крючья какие-то есть тут у вас? Цепи, проволока?

— Зацепим... Приготовили кое-что... А это... — Пыёлдин помялся. — Надо бы совместить наши петли с вашими... За что цеплять-то будем? — Пыёлдин снова подошел к вертолету и заглянул в распахнутую дверцу. — Залезу, посмотрю? — Он обернулся к вертолетчикам.

— Посмотри, мужик, полюбопытствуй. — Парень в военной форме снисходительно окинул взглядом Пыёлдина. А как на него смотреть, на него иначе и невозможно было смотреть — замызганный, кое-как выстриженный, сутулый, с тощей шеей, заискивающим взглядом, суетливыми движениями. Да и походка у него была какая-то дурацкая — он ходил, заворачивая носки внутрь, а на босых ногах болтались ботинки без шнурков, явно на два-три размера больше, чем требовалось...

— Витя! — позвал Пыёлдин. — Давай прикинем, что тут у них. — Он чуть ли не силой затолкал Витю в вертолет, наклонился, вроде бы рассматривая что-то на полу, и задом, тощим своим подрагивающим задом многолетнего зэка умудрился, перекрыв поле зрения у вертолетчиков, подтолкнуть все еще робеющего Витю к кабине — смотри, дескать, изучай обстановку, готовься, мать твою за ногу! — Нормально, — сказал Пыёлдин, прыгивая на горячую пыль двора. — Зацепится. Кто вести будет?

— Ну я, — осклабился один из вертолетчиков. — А что?

И Пыёлдин начал долго и бестолково объяснять, как нужно подняться, куда завести крюк, за что его зацепить, как зависнуть над крышей, чтобы мачта села как раз на те болты, которые они бетонировали...

— Ладно, батя, разберемся, — потерял летчик терпение. — Посторонись-ка!

А Пыёлдин обиделся.

И ужаснулся.

Не на летчика обиделся, жизни своей ужаснулся. Уж если ровесник называет его батей, причем спокойно, не желая оскорбить, а даже с некоторым уважением к возрасту.

Нет, сливай воду, ребята, сливай воду.

Никогда, Каша, ты не будешь моложе и красивее. Ты сможешь только отмыться, отплеваться, отгавкаться, но не более того. Назад пути нету, Каша. Или сейчас, или никогда. Через десять лет ты выйдешь отсюда уже не батей, ты выйдешь сраным стариком. Только так тебя будут называть, только так...

От печальных мыслей его отвлек Витя. Он неслышно подошел сзади, тронул Пыёлдина за локоть.

— Ну? — резко обернулся тот.

— Ключей нет. Каша... Нет ключей.

— Будут, — заверил Пыёлдин, ощутив вдруг необыкновенный подъем, ощутив, как наполняет все его существо отчаянное безрассудство, когда немеют губы, а в груди холод и сквозняк. А это, он уже знал по своему опыту, означает успех, победу и торжество. Давай, Аркаша! Помогай тебе бог! Давай, миленький, давай, хорошенький... Не вечно же тебе гнить в этих стенах, на этих нарах... А если наделаешь в штаны — догнивай здесь, сучий ты потрох!

Он твердил и твердил эти слова, пытаясь взбудорить себя и вытеснить, выдавить из души остатки осторожности и опасливости.

— Что будем делать? — спросил Витя.

— Ключи вон у того, тощего, — сказал Пыёлдин. — Он будет вести машину, значит, и ключи у него. В курточке карманов нет. Значит, они у него в штанах. Все самое ценное настоящие мужчины носят в штанах! — хохотнул Пыёлдин неожиданно повернувшейся шутке. Но Витя даже не улыбнулся, он просто не услышал ничего, кроме самого важного — ключи в кармане штанов у тощего вертолетчика.

А Пыёлдин, с собачьей улыбкой глядя в небо, на вертолет, на дурацкую мачту, которую приволок Суковатый в надежде на повышение (интересно, а какое повышение может быть у начальника тюрьмы?), загребая ногами пыль тюремного двора, подошел к расположившимся в тени экам, постоял, глядя в землю...

— Что скажешь, Каша? — рассмеялись они дружно, в каком-то своем согласии. — Устал маленько? Притомился, бегаючи за начальством по пятам? Присядь, отдохни малость!

И опять расхохотались, беззлобно, а потому особенно обидно.

— Значит, так, — произнес Пыёлдин негромко. — Значит, так... Только тихо... Поняли? — прошипел он зло, совсем не тем тоном, дурашливым и угодливым, к которому все уже привыкли. — Не надо слов, движений, суеты... Лежите, как лежали... Сейчас отлетаем. Повторяю для идиотов — сейчас отлетаем. Спокойно, без дури. — Пыёлдин, сощурившись, посмотрел в синеву неба, чтобы конвоиры видели — ээки глупы, ленивы, расслаблены. — Готовьтесь, ждите моей команды. Всем оставаться на местах. Следите за стукачами — ни один из вас не должен отлучиться. Кто на волю не желает — дотаивайте здесь. Вольному — воля. Вопросы есть? Вопросов нет. Ждите команды на посадку.

И Пыёлдин, не торопясь, шлепая безразмерными своими ботинками по тюремной пыли, направился к железной бытовке, в которой вчера Хмырь и Козел наводили порядок, проклиная его на чем свет стоит. Утром Пыёлдин уже побывал здесь, расставил на столе пустые банки из-под краски, пыльные бутылки, кисти в окаменевшей краске. Все это он накрыл прихваченной с нар простыней, не очень, правда, чистой, но что делать, другой у него не было. Да и в полумраке бытовки вряд ли кто заметит, что простыня недостаточно свежа, к тому же времени на ее разглядывание ни у кого не должно оставаться, это уж его, пыёлдинская, забота.

— Готовься, — негромко сказал он Вите, проходя мимо него и направляясь к вертолетчикам. — Ребята! — окликнул он их. — Идите сюда! — Пыёлдин приглашающе махнул рукой. — Важное дело... Не пожалеете, — и он улыбнулся посеревшими от волнения губами.

Вертолетчики неохотно покинули тень возле здания и, недоумевая, направились к Пыёлдину.

— И вы подходите, — крикнул он двум скучающим конвоирам. — Это и вас касается... Не пожалеете, — добавил он привычные свои слова.

Ничего не понимая, конвоиры тоже приблизились к бытовке. Вокруг было спокойно, ничто не вызывало беспокойства, и они простодушно решили, что с ними хотят о чем-то посоветоваться — когда что-то строят или ломают, каждый считает себя опытным и знающим. Тем более что потрепанная физиономия Пыёлдина не выражала ничего, кроме заискивающего благодушия.

— Начальник просил передать... Тут небольшое застолье приготовлено... Праздничный, можно сказать, обед... Отведайте, а там уж и за работу... Чем богаты, тем и рады. — Пыёлдин широко распахнул скрежещу-

щую дверь бытовки и первым шагнул внутрь, увлекая за собой остальных. Смелее других оказался один из вертолетчиков — он заглянул внутрь, увидел стол, накрытый белой скатертью, из-под которой торчали, по всей видимости, чрезвычайно привлекательные яства, и невольно воскликнул: «О!»

И этот его невинный возглас решил успех дела. За ним тут же проскользнули конвоиры, опасаясь, что без них все будет расхвачено, выпито и съедено. Едва они оказались внутри, как Пыёлдин с необычайной ловкостью выскользнул из будки, с грохотом задвинул за ними дверь и тут же, не медля ни секунды, просунул заранее приготовленную скобу в приваренные петли. Скоба была кривая, сделанная из ребристой арматурной проволоки, ее концы свесились вниз, и открыть дверь изнутри было уже совершенно невозможно.

— Ни фига не понимаю! — удивился оставшийся вертолетчик, которого Пыёлдин в последний момент оттеснил в сторону, помня о том, что именно у него в штанах ключи от вертолета.

— Ключи! — заорал Пыёлдин незнакомым голосом, яростным и нетерпеливым. — Ключи! — заорал он еще страшнее.

— Ты хочешь сказать, — начал было тот, но Пыёлдин сам сунул немытую свою руку в карман вертолетчика и, вырвав оттуда ключи, бросил их стоявшему рядом Вите.

— Порядок?

— Полный! — глаза Вити сверкнули жизнью.

— Тогда вперед! Отвали! — заорал Пыёлдин на бледного вертолетчика. — Отвали, пока цел! — Тот не заставил повторять приказ дважды и тут же исчез, растворился. — Прошу на посадку! — крикнул Пыёлдин все еще сидевшим в тени экама — выполняя его указание, они оставались на месте, не решаясь вмешаться

в события. — Раздайся море, говно плывет! — восторженно заорал Пыёлдин, видя, как бросились к вертолету зэки, которые так долго преследовали его насмешками. — Козел! — заорал Пыёлдин, выталкивая из вертолета недавнего своего помощника. — Хмырь! Мешки с цементом!

— Что мешки с цементом?! — в истерике взвизгнули оба, боясь, что их оставят догнывать в тюрьме.

— Рассыпай вокруг вертолета! — Пыёлдин сделал круг рукой.

— Зачем?!

— Делай! — Еще на несколько слов, которые ему так хотелось выкрикнуть, у Пыёлдина не хватило сил, он закашлялся, изогнулся пополам, но не спускал глаз с Хмыря и Козла. Схватив тяжеленные мешки, они щедро посыпали тюремную пыль сухим, мельчайшим цементом. Когда оба вскарабкались в кабину, лопасти уже вращались, набирая обороты. Их грохот смешался с грохотом, который раздавался из железной будки, где металась в полной темноте вертолетчик и два конвоира. Они колотили в стены, в двери пустыми железными банками, палили из автоматов в потолок, но это был просто шум, и не более того.

— Все, ребята, все! — вскричал Пыёлдин, сверкая глазами. — С горячим бандитским приветом!

А лопасти вращались все быстрее, рождая ветер на тюремном дворе, поднимая в воздух тучи цементной пыли, в которой скрылась и будка с запертыми простакками, и двор, и мачта для высоковольтных передач. Да и сама трехэтажная тюрьма потонула в серой цементной пыли и как бы перестала существовать. Поэтому, когда пыль осела, когда пленники выбрались из раскаленной на солнце будки, никто не мог даже предположить, в какую сторону улетел похищенный вертолет, где ждать его появления, куда направить поиски. Без-

брежное синее небо простиралось над стенами тюрьмы, а воздух свободы все еще, казалось, гулял сквозняками по ее обесчещенным коридорам и камерам.

Беглецы исчезли, будто растворились в синеве неба.

Дом напоминал шампур, на который был нанизан весь остальной город с кварталами, скверами, свалками и пустырями. Холодным сверкающим кристаллом уходил он в небо и заканчивался где-то там, в немыслимой вышине, в разреженной темно-фиолетовой атмосфере среди звезд и планет. Белые тарелки антенн, установленные на крыше этого фантастического сооружения, позволяли его обитателям видеть все телевизионные программы мира, знать все новости и откликаться на них одновременно, безошибочно и жестко.

Когда весь город уже был погружен в вечерние сумерки и на его темных улицах вспыхивали желтоватые фонари, верхние этажи Дома полыхали закатными отблесками, светясь торжествующе и победно. И ранним утром, когда город еще спал, погруженный в кромешную мглу, верхние этажи Дома уже сверкали в лучах восходящего солнца. Да, Дом позже всех засыпал и раньше всех просыпался, словно зовя горожан к неведомой, прекрасной жизни, которая обязательно наступит, но не очень скоро. Однако стремиться к ней необходимо, поскольку в этом и состоит смысл земного существования.

Это было потрясающее зрелище, запечатленное в тысячах плакатов, открыток, календарей, в миллионах сувениров и памятных знаков: громадные стекла верхних этажей Дома, отражающие солнце и соперничающие с ним, а глубоко внизу — темный город с редкими светящимися окнами, тусклыми уличными фонарями, кое-где мерцающими витринами.

Вспыхивающий в ночном небе, среди звезд, рядом с луной, верхний этаж Дома, отражающий далекое еще солнце, для многих в городе служил своеобразным будильником. И люди послушно вскакивали, бросались бриться, гладить рубашки и штаны, начинали просмаркиваться, наводить румяна, подрезать ногти, потому что Дом призывал быть нарядным, ухоженным, в той крайней степени готовности, на достижение которой надо потратить не менее часа, а то и двух. К чему бы эта готовность ни требовалась — к работе, к любви, к...

А к чему еще можно быть готовым? Чем еще занимается человечество?

Больше ничем.

Работа и любовь.

Причем для одних любовь — работа, для других работа является высшим проявлением любви, а для большинства эти понятия настолько перемешаны, что их и различить невозможно — и работают без любви, и любят по обязанности, и вообще вытворяют с собой черт знает что!

Многие жители города служили в Доме, Дом отсасывал и вбирал в себя лучших специалистов, крутых охранников, красивых женщин. И все они бывали счастливы, попав в Дом, в это скопище банков, контор, обществ, концернов, трестов. Служащих Дома можно было узнать сразу — они предпочитали плоские чемоданчики независимо от того, что туда приходилось помещать — банный веник, автомат «узи» или протокол о намерениях. В холодное время года служащие надевали черные пальто, избегая при этом головных уборов, у всех на ногах красовались остроносые туфельки на тонких подошвах. Такие туфельки позволяли легко и без усталости передвигаться по бесконечным коридорам, этажам, кабинетам, увлеченно, даже с некоторым

канцелярским азартом носиться в лифтовых кабинках, изысканно приближаться к начальственным столам, отдаляться от них, изысканно держа под мышкой изысканные кожаные папки.

В то же время надо сказать, что эти вот самые туфельки на тонких подошвах были совершенно непригодны для передвижения по городу, не очень чистому и ухоженному. Поэтому владельцам туфелек требовались машины, опять же достаточно изысканные, которые приближались бы к Дому с легким шелестом, напоминающим шелест листвы или шум морских волн. Подъехать к Дому на каком-нибудь «Запорожце» или «Москвиче» было не просто неприлично, а даже невозможно, потому что гаишники решительно останавливали эти позорные средства передвижения за три квартала и бестрепетно разворачивали их в обратную сторону, не объясняя причин.

Остальные жители города резко отличались от обитателей Дома, выглядели какими-то мешковатыми, слегка оголодавшими, часто поддавшими и, самое главное, озабоченными. Да, они были бесконечно озабочены неразрешимыми делами, которые вынуждали их ходить от магазина к магазину с сумками и тележками, на себя надевали немаркое, чинили старую обувь, питались вчерашним, что не портится и через сутки, и через трое.

Дом был построен совсем недавно и по замыслу создателя должен был убедительно доказывать могущество и неограниченные возможности новых властей, новых людей, новых порядков. Что бы ни происходило в городе, в мире, во вселенной, Дом сверкал синими отблесками неба, возвышался недоступно и прекрасно, как диковинный цветок, выросший на почве топкой и зловонной. Где-то далеко внизу ютились в старых, приземистых халупах с маленькими окнами и скрипу-

чими полами, с просевшими дверями и протекающими крышами все эти главы администраций, судьи, прокуроры, милицейские начальники и прочая шелупонь, которая до сих пор тешилась какими-то полузабытыми воспоминаниями о своем былом могуществе.

Настоящим могуществом обладали обитатели верхних этажей Дома. Люди это прекрасно понимали, и некоторым из них время от времени удавалось неведомыми путями просочиться на третий-пятый этаж Дома, не выше, и попытаться выпросить денег на оконные стекла в школу, на шифер для больницы, на мешок макарон для местной тюрьмы, где заключенные дичали от голода и неухоженности. По слухам, какого-то новенького, румяного да гонористого, они попросту съели за ночь, оставив к утру горку требухи и несколько розовых костей. Кем был этот румяный, как туда попал и за что — даже выяснять не стали. Съели и съели. Кричал, говорят, сильно, но недолго. Сунули его головой в мешок с мукой — как вдохнул, так и замолчал, забило мукой голосовые его отверстия, с помощью которых он пытался воззвать к жалости и состраданию злобных от недоедания эков.

Дом был сооружен так продуманно и дальновидно, что в нем можно было жить, не выходя в город, издержанный очередями, ценами, пенсиями, демонстрациями и голодовками. Первый этаж занимала охрана, набранная из людей странной такой породы, которой в прежние годы и не было на земле.

И вдруг возникла.

Мутанты не мутанты, но какое-то настораживающее и даже пугающее племя. В большинстве своем это были молодые особи, что говорило об их недавнем появлении на Земле, по половой принадлежности скорее всего мужчины, хотя утверждать это вряд ли бы кто решился. Упитанность у них была выше средней,

из тела выпирал плотный живот, причем тоже особенный — не безвольный какой-то, не провисший, нет, он больше напоминал разросшийся мускул, этакую мышцу, непонятно для чего предназначенную. И шея у существ была необычной, слегка озадачивающей, особенно если смотреть сзади — она как-то незаметно от лопаток переходила к затылку. Голова от этого делалась неподвижной, и, чтобы посмотреть в сторону, существо вынуждено было поворачиваться всем корпусом. В этом было и преимущество, потому что, повернувшись, существо готово было тут же броситься и устранить опасность. Существа обладали мясистыми щеками, глаза предпочитали небольшие, сведенные к переносице. Брови у них почти отсутствовали, и в этом тоже чувствовалось преимущество — глаза беспрепятственно и непрерывно озирали окрестности, отчего боевые качества существ резко возрастали.

Одевались существа добротнo, дорого одевались, уже одним этим как бы приобщаясь к высшим сферам. Предпочитали свободные пиджаки самых разных расцветок — красных, зеленых, желтых, малиновых, причем из тонкого, струящегося материала. Просторная одежда позволяла им прятать под мышкой если и не гранатомет, то уж автомат любой модели наверняка.

Передвигались существа с легкой такой, почти незаметной лендой, и переговаривались они и даже просто стояли, вроде делая одолжение, за которое вам предстояло с ними расплачиваться.

Да, и жвачка, они постоянно жевали какие-то специально заказанные для них зарубежные жвачки, отчего зубы выростали необыкновенно больших размеров, особенно клыки. Челюсти тоже выпирали вперед гораздо больше, чем у людей, и уже по этому признаку существо можно было легко опознать, если оно оказывалось в городе. Жевали охранники непрерывно — во

время разговора, при ходьбе, в задумчивости, а они часто впадали в состояние, которое простодушный человек готов был принять за задумчивость, хотя точнее было бы назвать его оцепенением. Жевание жвачки не прекращалось никогда, оно продолжалось и во сне, и в туалете, они жевали, даже когда просто жевали. К примеру, одной стороной зубов жуют бифштекс, а другой стороной — жвачку. И, таким образом, им удавалось процесс отращивания зубов не прекращать даже во время приема пищи, а пищу они принимали часто, помногу, отчего и приобретали черты, описанные выше.

Под этим бесконечным жеванием была еще и некая международная подоплека — из-за океана, где правил зубастый Билл-Шмил, им от его имени постоянно напоминали по телевидению о том, что жевать не просто модно или красиво, а очень даже полезно для их организмов.

Они поверили и начали жевать.

И жуют.

До сих пор.

Потому что когда начнешь что-либо делать с увлечением и душевной привязанностью, то остановиться бывает чрезвычайно трудно.

Существ этих с каждым днем и в городе, и в стране становилось все больше, казалось, их выращивают в каких-то питомниках, вдали от людских глаз, а по достижении определенного возраста выпускают, чтобы существа приживались и выдавали бы себя за своих, то есть за людей. Только глупостью и наивностью настоящих людей можно объяснить то, что существам это чаще всего удавалось. Некоторые даже проникали на высокие государственные посты, становились управляющими банков, членами парламента, министрами и постепенно прибирали к рукам страну.

В городе они появились как-то неожиданно и сразу в большом количестве, как, бывает, появляются цветы в полях, по опушкам. В зависимости от погоды, от того, как складывается весна — затяжная она, бурная или дождливая, поле вдруг покрывается ромашками, или все пространство между железной дорогой и лесом, между полем и берегом реки оказывается заросшим нежными незабудками, а то вообще начинают бурно вылезать из земли невиданные растения с тем, чтобы к осени исчезнуть и появиться уже при жизни следующих поколений.

Значит, так нужно, значит, так задумано природой.

В человеческом обществе, между прочим, происходит то же самое — перед войной рождаются в большинстве мальчики, перед долгим миром — девочки. И уж если природа неожиданно выбросила в свет такое количество подобных существ, следовательно, в них появилась острая потребность — в связи с политическими переменами, нравственными потрясениями, слабостями и достоинствами правящего президента.

И так может быть.

Казалось бы, ничто не предвещало краха великой державы, еще гремели победные марши, уходили в космос корабли, мощные авианосцы бороздили моря всей планеты, и над ними развевались гордые знамена, на главной площади шли величественные парады, от одного вида которых замирали в трепете народы и государства. Но уже пошли, пошли рождаться и с необыкновенной, пугающей скоростью произрастать странные существа с мощными загривками и глазками, сведенными к переносице. Значит, природе уже было известно о скором приходе некоего пустобреха, который эту великую державу разрушит...

Вообще-то проницательный человек мог бы заранее предсказывать общественные и политические потрясе-

ния в зависимости от того, какая публика появляется на улицах, во что одета, чем питается и от чего морду воротит...

Ладно, возвращаемся в Дом.

Каждого нового человека в вестибюле, отделанном красноватым гранитом, охранники осматривали с ленивой настороженностью: стоит ли ради этого типа подниматься из кресла? И чаще всего не поднимались, потому что тип, почувствовав на себе их тяжелые взгляды, сам торопился подбежать и вынуть все документы, которые при нем оказывались.

И было этих охранников чрезвычайно много, что даже обескураживало нового человека, он невольно проникался робостью, ему казалось, что он попал в место, в котором подвергается постоянной смертельной опасности. Охранники встречали гостя у стеклянного входа, сидели в креслах, разбросанных по всему вестибюлю, торчали за стойками баров, прохаживались у лифтов. Их узко поставленные глаза можно было бы заметить даже в вентиляционной решетке, в узком про свете приоткрытой двери. Тот же бармен за стойкой не столько смотрел на свою мензурку, сколько ощупывал взглядом появившегося в дверях человека. И официант в ресторане смахивал крошки со стола как-то механически, взгляд его был устремлен на входную дверь, за матовым стеклом которой мелькнула тень появившегося гостя.

Руководил существами некий Стыць, ничем от прочих охранников не отличающийся, разве что был он несколько крупнее, челюсть у него выступала вперед выразительнее, ну и глаза... Да, глаза у него сходились к переносице гораздо сильнее, они располагались совсем рядом — при моргании ресницы одного глаза цеплялись за ресницы другого. Собственно, здесь срабо-

тал закон обезьянней стаи — самая крупная, сильная и нахальная обязательно становится вожаком.

По количеству охраны легко можно было судить и о самом Доме, и о его обитателях. Уж если такие деньги тратились на безопасность, то, значит, такие деньги имелись. Да, охрана была вооружена самыми современными средствами обороны и нападения, самыми ядовитыми газовыми пистолетами, самыми сильными электрошоковыми дубинками, от одного прикосновения которой человек впадал в такое глубокое забытье, что потом медики месяцами не могли выпытать у несчастного его же собственное имя. Вооружение охраны вовсе не сводилось к одним только пистолетам и дубинкам, нет. Она спокойно могла отбить и ракетное нападение с воздуха, и танковую атаку, и даже если бы нежеланные гости вознамерились проникнуть в Дом по канализационным трубам... Короче, и это было предусмотрено.

Но в то же время надо заметить, что охрана Дома еще ни разу не показала себя в деле, не было у нее такой возможности. Может, это и к лучшему, может, сам вид охраны, достаточно свирепый, отпугивал возможных нарушителей спокойствия, а охранников убеждал в том, что они и в самом деле надежны.

Однако дальнейшие, совсем уже скорые события показали, что даже самой сильной охране требуются время от времени встряски, должен, должен пробегать холодок опасности, который бы постоянно оведал эти помещения. Что делать, даже самым современным армиям мира требуется встряска, и они это прекрасно знают, более того, не упускают возможности убедиться в собственной боеготовности. И проверяют, и убеждаются. Англичане, к примеру, через весь земной шар отправили армаду, чтобы отвоевать у простодушных аргентинцев две скалы. И отвоевали, а аргентинцев

уничтожили и свой победный флаг на скалах водрузили. Французы за три океана отправились в Новую Каледонию и там свой флаг водрузили, повергнув в бегство оставшихся живыми трех аборигенов вместе с их беременными бабами и детишками. Заокеанцы тоже за тридевять земель в тридешатое вьетнамство отправились и там десять лет пытались свой флаг водрузить, а когда не получилось, водрузили его в Панама, на Гаити и в сербской деревушке на окраине Европы, причем в одном месте захватили главу государства и посадили его в тюрьму, во втором назначили своего главу, а в третьем, поскольку не получилось ни первое, ни второе, разбомбили все, что можно было разбомбить. И долго наивно моргали глазками, дескать, хотели как лучше, а получилось как всегда. Но тем не менее боеспособность своей армии проверили.

И, похоже, остались довольны.

Хотя...

Сомнительны их выводы, очень сомнительны. Ведь эти могучие армии, оплоты великих демократий, выбирают себе противников, победа над которыми не вызывает ни у кого сомнений, а вопрос стоит только один — будет она одержана через двадцать четыре часа или через сорок восемь. И то ошибаются, и то просчитываются, в дураках время от времени оказываются. Что делать, законы мироздания едины — когда дело доходит до денежных убытков, эти оплоты демократии ведут себя точь-в-точь как кухарки в коммуналке: у кого в руках половник, тот и прав.

Так вот, если предположить, что сейчас, в эту секунду, совершенно неожиданно в стеклянные двери ворвется сотня вооруженных до зубов террористов, охрана наверняка даст достойный отпор и посрамит налетчиков. Но ведь грамотные налетчики и не ломят

ся в открытые двери, свои преступные замыслы они осуществляют неожиданно, непредсказуемо, а то и вообще на грани невозможного.

Что и произошло, что и произошло...

На втором этаже Дома располагался роскошный и невероятно дорогой ресторан, в котором проводились всевозможные празднества, отмечались крупные сделки, чествовались почетные гости. Попасты в ресторан простым гражданам было совершенно невозможно, да они туда и не стремились, поскольку за обычный ужин с приятелем или с приятельницей пришлось бы отдать никак не меньше годовой зарплаты.

Каждый месяц в ресторане проводились конкурсы местных красавиц, и самые очаровательные девушки города стремились во что бы то ни стало попасть на конкурс, зная, что важна не только победа, но и само участие. В участии никому не отказывали, поэтому конкурсы получались чрезвычайно многолюдными. Три финалистки получали двухнедельные путевки на остров Кипр, где они должны были отдохнуть, загореть и еще больше похорошеть, прежде чем стать постоянными посетительницами Дома. Остальные участницы получали пропуск в лучшие залы ресторана в любое удобное для них время. Пропуск давал право на бесплатную чашку кофе, закуску и стопку коньяка. Каждое такое угощение отмечалось в пропуске, чтобы красавица не вздумала повторить — легкая выпивка подчеркивает ее привлекательность, румянит щеки и придает волнующий блеск глазам, а выпивка обильная эти самые глаза гасит, убирает со щек румянец, опять же телодвижения красавиц делаются неуверенными, вялыми и не вызывают никакого желания обладать ими, красавицами.

До десятого этажа Дома шли всевозможные мелкие службы, финансовые отделы, кредитные управ-

ления, контрольные органы, общественные фонды и прочая дребедень. А выше, до семьдесят какого-то этажа, располагались учреждения более серьезные, и только на самом верху находились дирекции банков. Никто не знал точно, сколько в Доме этажей — уже после завершения строительства некоторые этажи убрали, из некоторых делали два, а то и три, неоправданно низкие, вспомогательные этажи объединяли в один.

Создавалось впечатление, что эти многочисленные переделки были заранее предусмотрены и даже более того, они входили в первоначальный проект всего сооружения с тем, чтобы сбить с толку возможных недоброжелателей.

Наверняка было известно только одно — самый верхний этаж занимал банк Ивана Ивановича Цернцица. Да, так его и звали — Иван Иванович Цернциц. Этот могущественный магнат протянул щупальца по всему земному шару, и они, щупальца, с каждым днем набирали силу, наливались кровью, обрстая филиалами-присосками, трестами и концернами.

На всех этажах Дома были буфеты, холлы с телевизорами, комнаты отдыха с девушками, одержавшими победы на конкурсах красоты, сауны, просмотровые залы, кабинеты для совещаний и переговоров. Описывать Дом более подробно нет никакой надобности, человек, хоть немного знакомый с банковской системой, и сам все это прекрасно знает. Поговаривали, что в момент предельного наполнения, в разгар рабочего дня, в Доме трудились около пятидесяти тысяч человек — как на большом машиностроительном заводе.

Таков был Дом.

И принадлежал он Ивану Ивановичу Цернцицу, который его запланировал и построил.

На свои деньги.

Во всяком случае, на деньги, которые считал своими.

В конце концов, это неважно, потому что настали времена, когда каждый может владеть теми деньгами, которые считает своими. А своими он считает те деньги, которые ему нужны. В чем бы кармане они ни находились.

Уж поскольку помянуто имя Ивана Ивановича Цернцица, то нельзя не упомянуть о слухах, которые ходили об этом банкире, хозяине семьдесят какого-то, самого верхнего, самого недоступного этажа.

Так вот, каждое утро Цернциц в собственном кабинете проводил совещания высших своих сотрудников. Его письменный стол находился как бы на сцене, которая возвышалась над всем остальным кабинетом. Сделан он был из полированного дуба полукруглой формы. За этим столом Цернциц находился в одиночестве, а все приглашенные на утреннюю разборку рассаживались в креслах внизу, у подножия председательского стола.

Поговаривали, что перед заседанием в стол помещалась одна из победительниц конкурса красоты, и в то время, как Цернциц распекал нерадивых сотрудников и давал указания, как жить дальше, невидимая, но всеми явственно ощущаемая красавица совершала над Цернцицем непристойные деяния, подвергая его неопишуемым наслаждениям, от которых у Цернцица глаза сходились к переносице, а сам он впадал в оцепенение, которое, впрочем, продолжалось не слишком долго. Вскоре он вновь обретал способность двигаться, глаза возвращались на предназначенное им природой место, но еще некоторое время оставались затуманенными. Белоснежным платком Цернциц снимал со лба сладостную испарину. В кабинете воцарялась сочувственная тишина — Цернцицу давали возможность прийти в себя.

Но если заседание затягивалось, через часок-другой все вдруг замечали, что глаза Цернцица опять пошли к переносице, опять его желваки, вздрогнув в еле сдерживаемом стоне, медленно-медленно передвигались на скулах, а побледневший лоб банкира вновь покрывала мелкая испарина. Очередной оратор замолкал, потупив взор, перебирал бумаги, пользуясь передышкой, чтобы собраться с мыслями. А Цернциц каменел, сцепив зубы. Наконец он тяжело переводил дыхание, обмякал, вынимал из кармана платок, и заседание продолжалось. А красавица в это время не торопясь приводила в порядок туалет Цернцица, а покончив с этим, отдыхала, затягивалась душистой сигареткой. Увидев поднимающийся над столом дымок, в зале улыбочиво переглядывались. Улыбаться-то они улыбались, но некоторая нервозность все-таки чувствовалась, не все выдерживали, не все спокойно воспринимали.

А кто сможет, кто не дрогнет?

Живые все-таки люди...

Что сказать, жизнь коротка, и каждый старается украсить ее, разнообразить в меру своих финансовых, физических, нравственных возможностей. Иван Иванович Цернциц не был исключением, и маленькая его человеческая слабость воспринималась без осуждения, даже с сочувствием.

Некоторые попытались перенять опыт руководства, но получалось далеко не у всех. Это рискованное дело, оказывается, требовало и сноровки, и стол должен быть соответствующим, опять не все в должной мере владели собой, многие срывались на крики, стоны, на неуправляемые телодвижения. Опять же человек должен обладать некоторой милой испорченностью. Заподозрив подражательство, Цернциц срочно завез и установил всему руководству столы самые обычные, современные, насквозь продуваемые. Под них не

то что красавицу, кошку не спрячешь. И распутство, таким образом, пресек, что выдало его как человека нравственного, озабоченного моральным обликом подчиненных.

Таков был Дом.

Ничего особенного, между прочим. Разве что некоторый архитектурный вызов. Банковские дома все похожи, а если и отличаются в ту или иную сторону, то не столь уж и значительно. Сауна может быть не на первом этаже, а на втором или в подвале, дубовый стол может находиться не в кабинете, а в общем зале с теми же особенностями и потайными отделениями, оборудованными пуховыми перинами или кожаными подушками. Что касается девушек, то их могут приглашать не с конкурса красоты, а с конкурса машинисток, что, в общем-то, одно и то же, поскольку цель преследуется одна. Все мы живые люди, и всем хочется, пока позволяют годы, получить от жизни немного радости, а если эту невинную радость доставляет милая, свеженькая, благодарная девчушка...

И те же банкиры, несмотря на чудовищное количество денег, которыми они ворочают, остаются простыми людьми, чаще всего именно в сокровенных, потаенных желаниях, свойственных любому живому существу. И если непрекращающийся шорох, который слышался в Доме, шорох пересчитываемых денег изредка прерывался сдавленным стоном, то что делать, что делать... Стоны смолкали, а деньги начинали пересчитывать с удвоенной скоростью.

Иван Иванович Цернциц был человеком достаточно молодым, лет около сорока, имел плотное телосложение и становился все плотнее, массивнее с каждым годом. Это было хорошо заметно по тому, как часто он менял костюмы. В движениях Цернциц был замедлен,

в нем ощущалась некоторая величавость, скорее всего приобретенная по мере роста финансового могущества. Несмотря на потрясающее умение владеть собой, что убедительно проявлялось во время утренних разборок, в нем проскальзывала и откровенная жуликоватость. Вот она, жуликоватость, была врожденной, тут уж не было никаких сомнений, поскольку в самых разных обстоятельствах проявлялась так естественно, уместно, с таким неуловимым изяществом, что люди впадали в сильное изумление. То поерзает на стуле, играя хребтом и поводя плечами, то руку выбросит вперед для приветствия так, что и не поймешь — ладонь протягивает или финкой пытается пырнуть, то хихикнет вдруг в таком месте, где и более интимные звуки произнести неловко. Кстати, эти интимные звуки он тоже исторгал в самые неуместные моменты и всегда при этом радостно смеялся, и все вокруг смеялись, будто услышали нечто потрясающее. То есть можно сказать, что остроумие у Цернцица находилось несколько не там, где у остальных людей.

Что же касается жуликоватости Цернцица, то она имела вполне ясное и простое объяснение. Жуликом был совсем недавно Ванька Цернциц, самым настоящим жуликом, причем довольно невысокого пошиба. Переходя на язык Уголовного кодекса, его можно было назвать мошенником. Он продавал то, чего у него не было, покупал то, чего не было ни у кого, баловался картишками, наперстками, держал киоск по продаже карточек какой-то лотереи, которая никогда не разыгрывалась. Несколько лет он изнывал от зноя и мерз от холода, глядя на мир из железного киоска несчастными своими и бесконечно печальными глазами.

Потом пришли новые времена, какой-то очередной толстомордый премьер узаконил так называемую приватизацию, и Цернциц шустро так, чуть ли не в од-

ну ночь, приобрел завод по производству бетонных плит. Находился заводик в таком глухом и неудобном месте, что хуже некуда — заводской двор рассекала железнодорожная ветка, которая с обеих сторон заканчивалась тупиками. Однако Цернциц прекрасно использовал это гиблое обстоятельство — как-то темной ночью, при свете прожекторов, на свой страх и риск, с нанятой бригадой железнодорожных ремонтников взял да и врубился в основную магистраль, получив таким образом собственный выход на главные железные дороги страны. Врезка получилась удачной, новый откос ни у кого не вызывал сомнений, тем более что Цернциц наутро посыпал его семенами газонной травы. Она взошла через неделю, и никому в голову даже не приходило, что этой ветки нет ни на одном плане Управления железных дорог. Цернциц без лишних транспортных затрат, налогов, отчислений мог спокойно отправлять свои самодельные плиты прямо на место армянского землетрясения, получая вдесятеро больше того, что ему было положено.

Ну а дальше все просто настолько, что и говорить неинтересно. Валютные счета, грузовые перевозки — доходило до того, что на своей куцей железнодорожной ветке Цернциц и загружал, и разгружал целые составы. С сытого Запада завозил лежалые конфеты, скисшие колбасы, технический спирт, тапочки для покойников, которые в своей неизбалованной стране продавал как тувельки для выпускного бала. А отгружал лес, металл, хлопок и даже нефть в молочных бидонах.

Было, все было.

А в результате, пожалуйста — Дом, устремленный в небеса, и кабинет на верхнем этаже, среди звезд, серебристых облаков и неопознанных летающих объектов, к которым Цернциц испытывал странную душевную привязанность, подозревая, что летают на них

свои ребята, очень близкие ему по жизненным убеждениям.

Черная машина Цернцица подъезжала к Дому всегда в одно и то же время — в девять часов утра. И вахтер, старый фронтовик в золотых лампасах, тут же поправлял стрелки главных часов Дома. И даже если Цернциц опаздывал минут на десять, пятнадцать, двадцать, что бывало чрезвычайно редко, часы все равно устанавливались точно на девять часов, и весь день десятки тысяч служащих работали с учетом опоздания Цернцица.

В это утро Иван Иванович подъехал вовремя. Едва распахнулась дверца громадной машины с баром и сауной, вахтер бросил взгляд на главные часы — они показывали ровно девять. Он облегченно перевел дух, втянул живот и прижал ладони к бедрам. И десятки людей, оказавшихся в вестибюле, как железные стружки при приближении магнита, повернулись в сторону Главного Банкира и слегка, почти незаметно, склонили головы в его сторону. Разговоры смолкли, смех оборвался, недокуренные сигареты зажаты в кулаки. И, что делать, бледнели лица при появлении Цернцица, явно бледнели. Может быть, и не от страха, а от волнения, от высшей сосредоточенности, сознания важности момента, величия человека, который частой, ерзающей походкой, играя обильными ягодицами, склонив голову, в скромной позе самоуглубленности, помахивая чемоданчиком, входил в вестибюль.

— Рад приветствовать! — хрипло гаркнул ветеран, вытягиваясь еще больше, еще плотнее прижимая руки к бокам.

Цернциц чуть заметно кивнул, чуть заметно поморщился — неожиданно громкое приветствие вахтера заставило его вздрогнуть, и витиевато струящаяся

мысль сделала резкий скачок, как перо самописца при подземном толчке.

И все охранники, где бы они ни находились в этот момент, вскочили и втянули животы, насколько это было возможно. Естественно, при этом из-под пиджаков вздыбились рукоятки и стволы пистолетов, автоматов, гранатометов и прочих предметов первой необходимости в любом банковском учреждении. Глава охранников Стыць по оплошности не успел встретить Цернцица у входа и, чтобы исправить ошибку, метнулся навстречу, но не подбежал вплотную, это было бы хамством, он остановился, замер в десятке метров, круто развернулся и пошел параллельным курсом, не приближаясь, но и не отставая от Цернцица.

Хитрый и подобоострастный Стыць так точно рассчитал свой путь, что, несмотря на расстояние, отделявшее его от Цернцица, изловчился к лифту подойти первым и нажал кнопку вызова. Двери распахнулись в ту же секунду, поскольку лифт был блокирован и охранник у щита лишь в последнюю секунду включил рубильник. Внутренность лифта вспыхнула тусклыми зеркалами, приветствуя начальство, приглашая его войти, радуясь возможности услужить в это прекрасное утро.

Цернциц кивнул в знак благодарности и ступил внутрь кабины.

— Войди, — сказал он сипловатым голосом, и Стыць, ожидавший приглашения и опасавшийся, что его не последует, широко и радостно перешагнул порог. Двери захлопнулись, и скоростная кабина взметнулась в небо.

— Отлично выглядите! — осмелился произнести Стыць, не выдержав затянувшегося молчания.

— Все нормально? — спросил Цернциц, глядя в пол. Не потому, что там что-то увидел, нет, просто